

В основе книги — реальная история семьи Мэри Пэт Келли!
Захватывающая сага о мужестве и стойкости

Мэри Пэт Келли — автор исторических романов и режиссер с мировым именем. Она писала сценарии для оscarоносного Мартина Скорсезе, продюсировала популярные нью-йоркские телевизионные программы «Good Morning America» и «Saturday Night Live», работала в Голливуде в качестве сценариста «Paramount» и «Columbia Pictures», дважды попадала в топ списков «100 лучших американских ирландцев» и «100 лучших ирландцев мира».

Онора выросла среди бескрайних зеленых долин Ирландии и никогда не думала, что когда-то будет вынуждена покинуть край предков. Ведь именно здесь она нашла свою первую любовь, вышла замуж и родила прекрасных малышей. Но в середине XIX века начинается Великий голод и муж Оноры Майкл умирает. Вместе с детьми и сестрой Майрой Онара отплывает в Америку, где эмигрантов никто не ждет. Начинается череда жизненных испытаний: разочарования и холодное безразличие чужой страны, нищета, тяжелый труд, гражданская война... Через все это семье Келли предстоит пройти и выстоять, не потеряв друг друга. Ведь только вместе они смогут преодолеть все.

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4118-3

9 786171 241183

МЭРИ ПЭТ КЕЛЛИ

• Залив Голуэй •

МЭРИ ПЭТ
КЕЛЛИ

• Залив Голуэй •

MARY PAT
KELLY

• Galway Bay •

A NOVEL

МЭРИ ПЭТ КЕЛЛИ

• Залив Голуэй •

РОМАН

ХАРЬКОВ **КЛУБ**
СЕМЕЙНОГО
2018 ДОСУГА

УДК 821.111
ББК 84(7США)
К34

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
Kelly M. P. Galway Bay : A Novel / Mary Pat Kelly. — New York :
Grand Central Publishing, 2009. — 566 p.

Перевод с английского *Игоря Толока*

Дизайнер обложки *Юлия Маланьина*

ISBN 978-617-12-4118-3
ISBN 978-0-446-57900-1 (англ.)

© Mary Pat Kelly, 2009
© Depositphotos.com / danevski,
обложка, 2017
© Nemiro Ltd, издание на рус-
ском языке, 2017
© Книжный Клуб «Клуб Семейно-
го Досуга», перевод и художе-
ственное оформление, 2018

Вы держите в руках исторический роман. Чтобы передать настроение описываемого времени, в произведении использованы имена реальных людей и некоторые географические названия. Однако все, что описано в этой книге, включая имена неисторических личностей и неисторические события, — это авторский вымысел. Любое сходство таких неисторических личностей и событий с действительностью — совпадение.

Посвящается нескольким поколениям детей Оноры

ПРОЛОГ

Мы не умирали, и это их раздражало. Веками они всячески пытались перебить нас, сжить со свету, но мы не сдавались. В наших семьях было по шесть, семь, восемь детей, которые росли лишь на картошке и пахте. Но потом болезнь уничтожила наш картофель. Трижды за четыре года весь урожай нашей основной еды сгнивал в земле. Уцелевшие корнеплоды вывозили в Англию, хотя нам самим нечего было есть. Мы голодали. Больше миллиона умерло — преимущественно на Западе. А ведь это четверть страны, при том что вся Ирландия по размеру — как штат Иллинойс. Слишком мало места для стольких страданий. Но мы не вымерли. Два миллиона бежали оттуда один за другим. Несомненно, это было одно из величайших спасений в истории человечества. Мы спаслись сами, полагаясь только на помощь Господа и собственную могучую веру. Взгляните на нас теперь: мы благоденствуем по всему миру. Мы не умерли.

Онора Кили Келли, 1822 года рождения. Это послание она адресовала своей правнучке Агнелле Келли, сестре Мэри Эриджине, 1889 года рождения, которая затем передала его праправнучке Оноры, автору этой книги.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРЕЖНИЕ ВРЕМЕНА – 1839 ГОД

ГЛАВА 1

На рассвете после Дня Святого Иоанна, 23 июня 1839 г.

Ах, солнце. Встает для меня одной – единственной, кто уже проснулся, чтобы увидеть, как рассвет зажигает облака и как серость залива Голуэй становится синевой. Спасибо тебе, Господи, за это идеальное летнее утро, за песок на Силвер-Стрэнд, который постепенно нагревается под моими ногами, за жаворонков и черных дроздов, наполняющих небо своим пением, за острый и свежий аромат моря. Прошу тебя, Боже, пусть погода будет такой же прекрасной и в день свадьбы моей сестры Майры.

А сейчас мне лучше поторопиться к источнику Святого Энды и поскорее помыть голову, иначе волосы не высохнут вовремя. Вот бы мне такие же легкие словно перышко кудри, как у Майры, вместо этой копны прямых, как солома, пасм...

Интересно, монахини остригут их в первый же день? Мисс Линч сказала, что брить голову мне не будут и что это все выдумки протестантов. По ее словам, то, что меня взяли в женский монастырь, который разрешили открыть первым в нашем Голуэй Сити со времен Кромвеля, – это большая честь для всей нашей семьи. Мама вообще на седьмом небе от счастья. Теперь уже скоро. Уходя по берегу от деревни Барна в сторону леса, я погрузилась в воспоминания.

* * *

– Онора Кили – моя лучшая ученица, – сказала мисс Линч матери-настоятельнице, когда две недели назад мы с мамой потупившись стояли в приемной монастыря Сестер Введения во храм Девы Марии. – Она говорит на правильном английском, изучала латынь, историю, литературу, географию и математику.

Мать-настоятельница лишь кивала, а потом стала рассказывать, какая замечательная женщина мисс Линч, ведь она учит дочерей фермеров, арендующих у нее землю, открывает им двери в Большой дом. Очень немногие лендлорды делали бы это.

— Благодарю вас, мать-настоятельница, — ответила ей мисс Линч. — Понимаю, обычно вы не рассматриваете кандидатуры девочек... девочек, которые... — Она запнулась и умолкла.

«Ох, да говорите уже, — подумала я. — Скажите: девочек вроде Оноры Кили, слишком бедных и слишком ирландских. И совсем не похожих на вас, Линчей, которые столетиями занимались подкупом и заискиванием, чтобы оставаться богатыми и католиками.

А я, мать-настоятельница, — хотелось сказать мне, — из рода Кили, или *O'Cadhla* по-ирландски. Мы заправляли в прибрежном районе Коннемара задолго до того, как сюда впервые ступила нога Линчей и их нормандских родичей. Моя бабушка Кили говорит: «Да кто они такие, эти нормандцы? Те же викинги, только с манерами!» Но если бы я произнесла что-то в этом роде, моя мама тут же лишилась бы чувств.

Поэтому очень вежливо, на самом правильном английском я заверила, что горжусь отцом-рыбаком. Сказала, что он впитал знания о море с материнским молоком, что разбирается в ветрах и приливах, что может рассчитать безопасный курс шхуны через залив Голуэй и по поведению чаек отследить косяк сельди.

Мать-настоятельница слушала и кивала, поэтому я принялась рассказывать ей, как рыбаки с берегов залива Голуэй — народ из Кладдаха, Коннемары и Гленинны, что в графстве Клэр, — вместе выходят в море, а потом мы, женщины, продаем их улов под Испанской аркой¹ в Голуэй Сити.

— Мы очень хорошо торгуемся, — сказала я, — а еще умеем латать паруса и чинить сети.

Мать-настоятельница спросила, почему я решила, что мое призвание — служение Богу. Я ответила, что всегда тянулась к нашему Господу и Пресвятой Богородице. Я восхищалась Святой Бригиттой и другими святыми женщинами, которые помогали Святому Патрику нести христианство в Ирландию, которые учили, учились и молились в своих великих монастырях тысячу лет, пока англичане не разогнали их всех. Теперь, когда

¹ Испанская арка (*Spanish Arch*) — арка в ирландском городе Голуэй, возведенная в 1594 году. Некогда защищала набережные, у которых разгружались испанские галеоны. Ныне соседствует с Городским музеем Голуэя. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

монахини вернулись сюда, для меня было бы честью присоединиться к ним.

— Моя бабушка говорит, что вы не пасуете перед лицом *Sassenach*¹, англичан, — сказала я.

Тогда мать-настоятельница спросила о моей учебе, а я прочитала ей несколько молитв на английском и латыни, и мы заговорили о том, какие замечательные времена настали для нашей церкви ныне, когда Дэниел О'Коннелл², Освободитель, заставил британское правительство отказаться от последних уголовных законов, запрещающих нашу религию, ведь теперь католики могли открыто посещать школу, строить церкви, владеть землей и даже голосовать.

— Новый день, — сказала мать-настоятельница.

И добавила, что найдет в семье Сестер Введения во храм Девы Марии место для такой девочки, как я. Она сообщила, что меня возьмут туда в сентябре, после чего я пройду двухлетний испытательный срок. Звать меня будут послушницей, у меня будет черное облачение, но с белой фатой. Обучение мое начнется немедленно. Мои близкие смогут навещать меня четыре раза в год. Я буду скучать по ним, сказала мать-настоятельница, но таким образом обрету Господню благодать.

Сегодня до дня моего посвящения осталось уже менее трех месяцев: 15 сентября 1839 года — мой семнадцатый день рождения.

* * *

Через проход в живой изгороди я направилась к источнику Святого Энды и Тубур Гйалу — чистому и холодному ручью, протекавшему за родником. Берега его заросли цветами — *féithleann* (жимолостью), *fraoch gallda* (ирландским вереском), *fearbán* (лютиками). Для себя я называла их по-ирландски, но потом переводила на английский, словно повторяя для мисс Линч или матери-настоятельницы.

Я подвернула юбку, встала коленями на мягкую траву, вдохнула лавандовый аромат мыла, которое мисс Линч подарила нам с Майрой на Рождество, и вынула из прически три шпильки — осторожно, чтобы не погнуть их. Наклонившись, я окунула распущенные волосы в воду, намылила их до пены и, зарывшись в них пальцами, начала мыть голову.

¹ См. глоссарий в конце книги. (Примеч. автора.)

² Дэниел О'Коннелл (ирл. *Dónal Ó Conaill*) (1775–1847), известный в Ирландии как Освободитель или Эмансипатор, — ирландский политический деятель первой половины XIX века. Выступал активным сторонником Католической эмансипации — права католиков быть избранными в Вестминстерский парламент, которого они были лишены более чем столетие, а также отмены Акта об унии Великобритании и Ирландии 1800 года.

Мама говорит о моих волосах «*rua and donn*»¹. Рыжие с каштановым. Нечто среднее, в общем. Но лучше уж так. Потому что рыжая женщина приносит рыбаку несчастье. Если бы отец встретил такую на дороге, он просто вернулся бы домой и вообще не пошел бы рыбачить. Так что не рыжие, но и не каштановые. «Смешанные волосы, — говорит мама, — и все с ними в порядке».

— Не могут же все быть блондинками, как я, — как-то сказала Майра.

Она пошла в маму и ее родню: узенькая талия и округлые формы выше и ниже ее. А еще Майра рассказала мне, что Джонни Лихи, ее жених, называет ее «*Péarla an Bhrollaigh Bháin*» — «моя жемчужина с белоснежной грудью».

— Хорошо, что отец этого не слышал, — ответила я.

Но Майра специально выпятила грудь и сказала:

— У кого-то — мозги, а у кого-то — сиськи.

После этого она смешно скосила глаза, и я не смогла удержаться от хохота.

Я же пошла в бабушку, отца и всех Кили: высокая, худая, с зелеными глазами. «Но видят они не хуже твоих голубых», — уверяла я Майру.

Намылить и прополоскать, намылить и прополоскать, а в третий раз полоскать подольше. Я замотала волосами из стороны в сторону, и капельки воды заблестели в утреннем свете — появилась радуга. Интересно, насколько коротко меня подстригут монахини?

Галька шуршала под моими босыми ногами, когда по руслу ручья я вышла из леса и направилась в сторону моря, где меня ждала моя скала. Небольшая, приземистая, похожая на башенку на прибрежной полосе, усталая съедобными красными водорослями — дульсе.

Я сорвала немного и расстелила их на солнце. Дульсе вкуснее, если просушить их прямо там, где они собраны. Теперь посижу тут, пожую водоросли, наслаждаясь временем сладкого покоя. Очень скоро Барна проснетя, и жизнь там снова закипит.

Водорослей, которые можно было легко достать, не осталось. С прибрежных скал собрали морских улиток и ракушек, в прибрежной полосе — всех моллюсков. Крестьяне с близлежащих холмов спускались сюда за пропитанием в голодные месяцы, в июле и августе: заготовленная прошлой осенью картошка уже закончилась, а новый урожай еще не созрел.

Мама всегда говорит местным женщинам: «Варите этих мидий и сердцевидку. Не ешьте их сырыми, иначе умрете».

¹ См. глоссарий в конце книги.

— Слава богу, что у нас есть рыба на продажу, — как-то сказала она мне. — Фермеры, те отдают всю свою пшеницу и овес лендлорду в плату за ренту, а себе оставляют на еду лишь картошку. Их женщины вообще не видят денег. Некоторые из них выходят за бедных трудяг, которые работают только за право пользоваться хижинкой с одной комнатой и клочком земли под огород. Мы же умеем торговать и торговаться на рынке, получаем реальные деньги. У жены рыбака жизнь намного лучше, чем у жены фермера или батрака.

Возможно, но мы ведь тоже очень зависим от картошки. Наша еда приходит с полей, которые делят между собой семьи рыбаков. Наши деньги уходят на ренту. А крестьянским женщинам неведом страх, который испытываем мы, когда с гор спускается туман, залив сливается с небом, а море начинает бесноваться. Каждый год кто-то из мужчин погибает. Работать на земле, может быть, и тяжело, но она, по крайней мере, не убивает.

Залив Голуэй... Такой тихий и спокойный. Но я знаю его нрав. Стоит лишь отвернуться, и он может тут же яростно взметнуть волны. Земля же неподвижна. Отчего сердце крестьянки может встрепенуться так, как мое, когда лодки Барны присоединяются к флотилии Кладдаха и рыбакам из Клэра? Сотни суденышек и рыбацких парусных шун, *púscáns*¹, движутся вместе по заливу Голуэй, и их наполненные ветром красные паруса следуют в открытое море за белым парусом адмирала Кладдаха. Впрочем, сейчас залив пуст. Так будет два дня: никто не рыбачит в ночь Святого Иоанна и на следующий, праздничный день. Выходит, самое время для свадьбы Майры.

Ну а я не стану женой рыбака, как всегда думала, не буду провожать мужа в море и молиться, чтобы он благополучно вернулся домой. Я буду невестой Христа, как говорит мисс Линч.

Я подумала, что, возможно, мисс Линч взяла меня только потому, что ей все еще нравится моя мама. Нравится с тех времен, когда была еще Мэри Дэнни Уолш, простой девушкой из Барны, которая работала в Большом доме и была ровесницей дочери лендлорда. Она могла бы остаться там, но из Коннемары приехал Джон Кили со своей матерью, мама влюбилась в него и стала его женой. После рождения Майры, ее первого ребенка, она попросила мисс Линч стать малышке крестной матерью. И мисс Линч согласилась. Мама говорит, что для нас это большая честь.

Когда мисс Линч открыла бесплатную школу для девочек, мы с Майрой попали в первый класс. Мне было пять, а Майре — семь, когда мы крались наверх, в нашу учебную классную комнату на чердаке хозяйского дома в Барне, боясь встретиться с хозяином-лендлордом. Десять человек пришли

¹ См. глоссарий в конце книги.

из хижин рыбаков, и еще десять — из фермерских хозяйств. Всех нас, готовя к учебе, тщательно умыли и выдраили. Жутко смущались все, за исключением Майры. У нее даже хватило наглости поправить мисс Линч и попросить называть ее Мари — на ирландский манер.

Большинство девочек покидали школу к двенадцати годам, чтобы ухаживать за младшими детьми в семье, чинить сети, продавать улов, а к шестнадцати выйти за сына рыбака. Но мои родители разрешили мне продолжать учебу. Исключением становились дни, когда я должна была торговать под Испанской аркой вместе с мамой и Майрой.

Именно Майра обратила мое внимание на то, как мама смотрит на новый Введенский монастырь и как говорит о его сестрах, когда мы проходим мимо.

— Мама хочет, чтобы ты стала монахиней, — сказала она. — Они с мисс Линч уже договорились об этом. Заплатит за это мисс Линч. Если ты не хочешь идти в монастырь, лучше побыстрее найди парня.

Да, но какого парня? За Майрой в Барне ухлестывал чуть ли не каждый, но меня ни к кому из них никогда не тянуло — явный признак того, что монастырь был для меня предназначением от Бога. Господь не посылал мне жениха, чтобы я могла служить Ему. А может, Он, наоборот, хотел уберечь меня. Я сама видела, сколько мужей спивались, превращая жизнь своих жен в ад. Я слышала, как жутко кричала моя мама, рожая нашего младшего братишку Хьюи, хотя она и уверяла, что вскоре после родов женщина забывает о боли. И все же... Еще почти три месяца. Все лето. И без школы. К сентябрю я буду готова.

Я вздремнула на солнышке, и мне послышалось, будто мама говорит мне: «Как же я благодарна Господу, что Он призывает тебя...» Потом голос отца: «Дэниел О'Коннелл одержал великую победу, вернув нам монастыри. Я горжусь тобой, Онора, — ты будешь первой дочерью рыбака, которая станет святой сестрой...» Мисс Линч сказала: «Связующее звено восстановлено...» А бабушка Кили добавила: «Ирландские монахини — это женщины-воительницы, ни в чем не уступающие мужчинам...» На этом я окончательно уснула.

Меня разбудил шум волн прилива, бьющихся о скалу, — залив Голуэй стал беспокойным.

Вдруг я увидела, как по воде что-то движется. Какая-то деревяшка? Выпавший с корабля бочонок? Но предмет этот плыл параллельно берегу против течения прилива. Тюлень? Но тюлени живут дальше, в холодных водах, там, где залив соединяется с Атлантическим океаном.

Прямо на меня смотрела пара глаз. И не два темных глаза на черной лоснящейся голове тюленя. Это были синие человеческие глаза. Быть

может, матрос или рыбак выпал со своего корабля? Но матросы и рыбаки не умеют плавать.

А этот именно плыл. Руками он совершал гребки, а ногами молотил под водой, поднимая брызги. Может, он тонет?

Я вбежала в буруны прибой.

— Вы что там, тонете? — крикнула я ему.

— Ну да!

Ему нужно было за что-то ухватиться. Прилив тянул меня вглубь. А вот и он. Его лицо. Уже ближе. Он... Он смеется! Человек нырнул, вынырнул и, поймав волну, выкатился на мель.

Он стоял, опустив руки и не стараясь ими прикрыться, а вода бурлила и пенилась вокруг его длинных ног. Он смотрел мне в глаза и улыбался.

— Ты вовсе не тонул.

— Тонул, — возразил он. — Я и сейчас тону — в твоей красоте. Ты вообще девушка или русалка?

— Я очень даже реальная.

Я не могла пошевелиться. Неужели он околдовал меня? Бабушка говорит, что из моря иногда выходит морской народ. Но этот парень точно был человеком. Несомненно.

Крепкие мускулистые ноги. Широкие плечи. По росту и размерам — явно человек. И при этом вообще без одежды. На нем она казалась бы мешковатой и никчемной. Внезапно его мужское достоинство начало расти на моих глазах.

Он заметил, куда я смотрю.

— Нет, видением ты быть не можешь, — сказал он, — иначе я бы не... Пожалуйста, моя одежда лежит вон там.

Одежда. Нужно принести ее ему немедленно. Ведь из окон своего Барна-хауса нас могла увидеть мисс Линч. Но я почему-то продолжала стоять и пялиться на него.

Перед глазами всплыла сцена в приемной Введенского монастыря: мать-настоятельница, мисс Линч и мама...

Но картина эта быстро расплылась, а потом и вовсе растаяла.

Потому что теперь я видела только его.

ГЛАВА 2

— Расскажи мне, кто ты, — попросил незнакомец. — Расскажи мне все о себе.

Он уже оделся в темные штаны и свободную холщовую рубашку. Теперь мы стояли вдвоем, прислонившись к моей скале.

— Мои отец и братья рыбачат, а я с матерью и сестрой продаю их улов в Голуэй Сити. — Я показала ему на череду выбеленных известью домиков, вытянувшихся вдоль дуги берега, и объяснила, что живу в одном из них с мамой, папой, бабушкой, сестрой и тремя младшими братьями. — Всего тридцать рыбацких семей живут в нашей деревне, она называется Беарна — это означает «пролом» по-ирландски. Хотя на английском название перекурили, и получилась Барна.

Я вдруг умолкла, потому что хотела сказать совсем не это.

Он все понял.

— Это все внешнее. Расскажи, что у тебя внутри, — сказал он. — О чем ты думаешь, что чувствуешь? Как я могу завоевать твоё сердце? Отправь меня в какой-нибудь великий поход, пошли меня за горы, за моря. Чтобы завоевать твою любовь, я готов гнать свою лошадь, Чемпионку, хоть в Тир на Ног¹ и обратно.

— Любовь? Ты ведь даже не знаешь моего имени.

— Тогда с этого и начнем.

— Онора Кили.

— Онора... Прекрасно. Онора — это «честь».

Выходит, это все же случается. Любовь с первого взгляда. Со всем как в бабушкиных рассказах о Дейрдре и Найси, Грайне и Диармиде². Лишь взглянуть в лицо и сразу понять: это он. Поразительно. Но правда.

— А тебя как зовут?

— Майкл Келли, — ответил он. — Моего отца звали Майкл Келли, а отца матери — Мерта Мор Келли. Я из Галлаха-уй-Келлай.

— Галлаха рода Келли, — повторила я, переводя это название на английский. — Я начинаю понимать.

— Понимать что?

— Что ты — Келли.

Мы рассмеялись, словно я сделала величайшее умозаключение. Он взял меня за руку, и я притихла.

Я взглянула из-за скалы на Барна-хаус. Шторы по-прежнему были задернуты — это хорошо. Чтобы посмотреть на рыбацкие дома, мне пришлось перегнуться через парня. Тоже тихо. Все еще спят. И я не одернула руку. Там ей было тепло и хорошо.

— Так ты не... Я хотела сказать, может, это какое-то колдовство? — спросила я.

¹ Тир на Ног — в кельтской мифологии «остров юных», страна вечной молодости.

² Влюбленные, персонажи ирландских мифов.

— Конечно колдовство, — ответил он. — Погоди, я сейчас призову своего скакуна.

Скакуна! Он так и сказал — «призову» и «скакуна». Поэтому я подыграла:

— Конечно, мой галантный герой, прошу тебя.

* * *

Как ловко он шагал по песку, а потом легко взбегал на холм Джентшн Хилл, на вершине которого стояла его лошадь. Волшебное место. Может, мне теперь встать и убежать? А что если он собирается увезти меня отсюда в свой волшебный форт *rath*?¹ Но, когда он вел изящное животное вниз по склону ко мне, я не сдвинулась с места. На плече у Майкла было седло, а под мышкой — какой-то сверток. Я поднялась ему навстречу.

— Полегче, полегче. — Он похлопал лошадь по шее и опустил свою ношу на землю. — Все в порядке, Чемпионка, — сказал он и повернулся ко мне. — Мы с ней еще никогда не видели столько воды, без конца и края. Вид этого залива, который тянется отсюда до самого моря, очень возбуждает нас обоих.

— Славная лошадка, — заметила я.

— Славная. И будет вести себя вежливо и спокойно, пока я присяду рядом с Онорой Кили. Ее зовут Чемпионка.

— Она *rua*, — сказала я. — В смысле — рыжая.

— Гнедая, — поправил он. — Или каштановая, под цвет твоих волос, пылающих огнем на солнце. Это из-за твоих замечательных волос, летавших вокруг твоей головы, Онора Кили, я и принял тебя за русалку. Вроде тех, что вырезаны в камне над проемами дверей аббатства в Клонтаскерте².

— Русалка? А я решила, что ты из морского народа... или тюлень, — сказала я.

— Хочешь, чтобы я был тюленем? Для тебя я с радостью им стану.

— Оставайся мужчиной. Мужчиной на хорошей лошади.

Внезапно я поняла: человек с лошадью. О Иисусе! Мария и Святой Иосиф! Цыган, бродяга... всю жизнь меня предупреждали: «Не отходи далеко, иначе тебя украдут цыгане! Эти прохвосты украдут у тебя зубы, а потом тебе же их и продадут!»

Когда караваны пестрых цыганских кибиток проезжали через Голуэй Сити, мама сильнее прижимала меня к себе. А женщины на рынке перешепывались: «Они иногда забивают своих жен до смерти».

¹ См. глоссарий в конце книги.

² Клонтаскерт (англ. *Clontuskert*; ирл. *Cluain Tuaiscirt*) — деревня в Ирландии, находится в графстве Роскоммон (провинция Коннахт).

«Отвернись, Онора, не смотри на них! — приказывала мне мама. — Цыганки могут сглазить тебя».

И вот теперь передо мной он, человек с лошадьё, цыган!

— А где все остальные? — «Будь поаккуратнее, Онора».

— Остальные? — переспросил он. — Тут только мы с Чемпионкой.

— А разве ты не путешествуешь в кибитках вместе с табором?

— Ты решила, что я цыган?

По правде говоря, мне было все равно. В синеве его глаз отражался залив, а на губах играла улыбка.

— Я не цыган, хотя считаю, что и среди них есть приличные люди. Скитаться всю жизнь по дорогам — ужасное дело, и, думаю, то, что они приворовывают время от времени, вполне можно понять.

— Понять-то можно, — согласилась я, — но ты не один из них?

— Нет, Онора Кили, хотя в данный момент у меня нет ни крова, ни домашнего очага.

— В данный момент?

— Я хочу поведать тебе свою историю, но не знаю, с чего начать.

Может быть, с моей матери?

— Давай, — кивнула я. — Матери — это всегда очень важно.

И мы снова рассмеялись. Он взял меня за руку, и мне стало абсолютно не важно, есть у него мать или нет, цыган он или кто-то еще.

Его лошадь подняла голову и заржала.

— Она что, тоже смеется? — спросила я.

— Возможно. Чемпионка любит эту историю, потому что мы с ней родились вопреки «естественному порядку вещей», как говорил мой старый школьный учитель.

Что это может означать? Сейчас он расскажет.

Мы удобно устроились, прислонившись спинами к теплому камню. Я повернулась так, чтобы видеть его лицо, когда он будет говорить. Как же очаровательно двигаются его губы, когда с них слетают слова. Синева его глаз темнела ближе к краям радужки, которая словно излучала странный свет. Какие густые черные волосы, какой прямой нос. Настоящий герой, вышедший из моря. Майкл Келли... Итак, его история.

— ...Мерта Мор...

— Прости, Майкл, но кто он такой? Ты вроде бы хотел начать со своей матери.

— Ну да. Сядь поближе, чтобы ветер не унесил мои слова через залив к зеленым холмам графства Клэр.

— Все в порядке. Я и так слышу. Начни снова.

— Отец моей матери, Мерта Мор Келли, был крупным мужчиной, просто громадным, и очень немногие в Галлахе, да и вообще в окрестностях Баллинасло¹, могли бы бросить ему вызов. Даже полковник Блейкни, лендлорд, обращался к нему с определенным уважением. Он звал его Мартин, переименовав его имя на английский лад, хотя для всех остальных он был Мерти. Род Келли заправлял на востоке графства Голуэй тысячу лет, когда туда вместе с Кромвелем пришли предки Блейкни, грабя и сжигая все на своем пути.

— А еще они разрушали аббатства и мучили бедных монахинь, — встала я.

— Странно, что ты подумала об этом, потому что аббатства действительно играли там важную роль! Просто поразительно, что ты вдруг упомянула аббатства!

— Да уж, удивительно, — сказала я.

И мы снова засмеялись. Я придвинулась к нему поближе, и теперь мы грелись под солнцем совсем рядом.

— Мужчины в моем роду в течение многих поколений были кузнецами. Ты слышала какие-нибудь истории про Гоибниу²?

— Мне рассказывала о нем бабушка. В старину, до прихода в Ирландию Святого Патрика, Гоибниу делал оружие для героев и провожал смельчаков в иной мир с великими почестями.

— Правильно, — кивнул Майкл. — Но даже после прихода Святого Патрика кузнецы вроде Гоибниу раскатывали золото в тонкие листы, чтобы изготавливать чаши для причащения монахам и жезлы епископам и аббатам, а также великолепные торки³, броши и заколки для вождей кланов. Имея тайное знание о том, как ковать железо и золото, кузнецы были молчаливыми и осторожными, строго хранили свои секреты. Таким был и мой дед. Но моя мать не страдала от тишины в доме, — продолжил он. — Хотя по натуре мама не была женщиной молчаливой, она говорила, что была вполне счастлива, посвящая свои дни приготовлению еды и уходу за моим дедом, потому что супружество миновало ее стороной. Никто не попросил руки дочери Мерты Мора. Молчаливые люди пугают других, особенно такие мускулистые...

— Вроде тебя? — вырвалось у меня, прежде чем я успела подумать. Я чувствовала его руку — действительно очень мускулистую.

¹ Баллинасло (англ. *Ballinasloe*; ирл. *Béal Átha na Sluaighe*) — малый город в Ирландии, находится в графстве Голуэй (провинция Коннахт).

² Гоибниу (ирл. *Goibniu*; имя происходит от слова «кузнец») — один из богов в ирландской мифологии, бог-кузнец.

³ Торк — кельтское ожерелье.

— Ну, по сравнению с ним я слабак, — сказал Майкл. — Он был настоящим великаном, легко поднимал железные чурки и мог выковать подкову несколькими ударами молота. Нужно было быть очень смелым человеком, чтобы прийти в темную кузницу Мерты Мора Келли и просить руки его дочери. И таких не находилось.

— Но один все же нашелся, — предположила я, — ведь ты-то появился.

— Я появился.

Между нами повисло молчание, которое становилось напряженным.

— Продолжай, — наконец попросила я.

— Ты что-нибудь слышала о Галлахском замке?

— Прости, нет, — ответила я.

— Это хорошо. Тогда я расскажу тебе. Представь себе огромный каменный форт, построенный на высоком холме, с террасами по склонам. На них могли удобно расположиться толпы зрителей, пришедших посмотреть на скачки, устраиваемые родом Келли по скаковому кругу. От замка сейчас остались лишь руины. Когда опускаются сумерки, там появляются привидения, а также добрые феи, которые, как тебе известно, любят быстрых лошадей.

— Я и вправду знаю это, — подтвердила я. — Моя бабушка — большая мастерица по всяким волшебным делам.

— Ах, — воскликнул он, — и это у нас с тобой общее!

Мы улыбнулись друг другу.

— Келли на земле своих предков не боятся никаких волшебных существ, — продолжал он. — Еще маленьким мальчиком я как-то скакал по скаковому кругу на воображаемом коне и вдруг услышал, как толпа приветствует и подбадривает меня перед последним препятствием. Я прыгнул вверх, перевернулся и мягко приземлился на зеленую траву.

— Всегда приятно приземляться мягко, — заметила я.

— Ты совершенно права, Онора. — Он сжал мою руку. — Итак, Галлахский замок и скаковое кольцо уже отложились в твоём воображении?

— Да, Майкл.

— Тогда продолжим. Как я уже сказал, все это место считалось заколдованным, и никто из соседей не осмеливался распахивать склоны или что-то садить на них. Даже Блейкни уже оставили попытки заставить своих арендаторов возделывать эту землю. Лошади там тоже не паслись. О, они могли, конечно, пару раз отщипнуть сочной зеленой травки, но потом поднимали головы, прислушивались и тут же убегали к изгороди вдоль дороги, где и стояли, пока их не уводили оттуда. Да и коровы Блейкни тоже отказывались там пастись, хотя по сравнению с лошадьми это довольно глупые животные.

— Всякий знает, что кони самые умные, — сказала я, хотя Чемпионка была первой лошадкой, которую я видела так близко. — Ты только посмотри, как Чемпионка стоит и внимательно слушает нас.

— Она уже слышала эту историю, — сказал Майкл. — Так вот. Самым знаменитым из всех Келли в Галлахе был Уильям Бой О'Келли.

— Когда? — спросила я.

— Что когда?

— Когда он жил?

— О, задолго до Кромвеля, но через несколько столетий после того, как первые Келли пришли с севера. Их предводителя звали Майн Мор. Его сын Кеаллай позднее передал свое имя нашему роду. Кеаллай означает «раздор», и Келли, соответствуя своему имени, всегда сражались. Против завоевателей, но, честно говоря, и между собой. Раздоры. Братья убивали братьев ради титула главы клана, *Taoiseach*. Ты не станешь укорять меня за это? — спросил Майкл.

— Моя прародительница, Королева Маэва, тоже знала толк в раздорах и междоусобицах, — сказала я.

— Маэва — твоя прародительница? Ух ты, ее крепость находится неподалеку от нас!

— Мы, Кили, — потомки ее сына Конмака. Отсюда и название Кон-намара — Кон-с-моря.

— Выходит, — сказал он, — мы с тобой были связаны еще до того... Я смогла лишь кивнуть. Он наклонился ближе, не отпуская мою руку.

— Прости, что прервала твой рассказ, Майкл. Продолжай.

Он прочистил горло.

— Так вот. Этот предводитель, Уильям Бой, правил нашим кланом в течение долгого мирного периода: нормандцы утихомирились, а Кромвель еще не пришел. И захотел он устроить пир, да такой, о каком и не слыхивали на всем острове Ирландия. Он пригласил на него всех вождей и правителей из городов на многие мили вокруг. И они приехали на этот великий рождественский пир в Галлахский замок вместе со своими женами и детьми, воинами и слугами, поэтами и священниками. В те дни семьи внутри клана находились в вассальной зависимости от вождя, и у каждого, кто прибыл в Галлах, были свои обязанности. Например, Ноутоны везли в замок Келли французское вино из порта — очень ответственная задача, — сказал Майкл.

— А ты что, очень любишь выпить? — спросила я.

— Я могу пить, а могу не пить, — ответил он.

— Это хорошо, — сказала я. — Продолжай. Думаю, гости привезли лошадей?

— Действительно, привезли. Причем прекрасных лошадей: одни были лоснящимися черными, другие — совершенно белыми. А один конь был как спелый каштан. Этот цвет очень идет и лошадям, и женщинам, — сказал он и одним пальцем, мягко и быстро, погладил меня по голове, однако я ощутила это прикосновение всем телом. — У тебя целый водопад тяжелых рыжевато-каштановых волос — похоже на хвост Чемпионки.

— На хвост Чемпионки?!

— Но он, конечно, и близко не сравнится с твоими прекрасными густыми волосами, Онора Кили. А твои глаза... Они такие ясные. Зеленые с золотистыми искорками... — Он потянулся рукой к моему лицу, но потом быстро опустил ее.

Я судорожно сглотнула.

— Ты остановился на пире, Майкл, — сказала я хриплым голосом.

— А... Ну да.

— Итак...

— Итак, началось пиршество. В огромных очагах бараны жарились целиком. И все гости горячо благодарили поваров за угощение.

— Хорошие манеры, — заметила я.

— Точно, — подтвердил Майкл. — А если кто-то оказывался не таким воспитанным? Тогда ему отрезали мясо из самого невкусного места — холодную лопатку. Всем гостям Уильяма Боя так понравилось здесь, что у него не хватило духу распустить их после Рождества. И все они остались, а пиршества, скачки, пляски, рассказывание всяких историй и музыка продолжались еще три времени года, пока не наступило первое августа — *Lughnasa*, когда нужно было собирать урожай. Чистосердечную щедрость Уильяма Боя О'Келли помнят по сей день, и даже сейчас такое гостеприимство называется *Fáilte Uí Cheallaigh* — «Прием О'Келли». — Майкл погладил меня по руке. — И это действительно очень теплый прием, — добавил он и отпустил меня.

— Твоя мать, Майкл, — напомнила я ему.

— Вот тут и появляется она. Через много лет после того пира, когда нашу землю захватили враги, Блейкни разрушили Галлахский замок, а наш городок переименовали в Касл Блейкни — Замок Блейкни. И все же Келли до сих пор помнят и пересказывают старые сказания. Однажды на Майский праздник¹, *Bealtaine*, моя мать еще до рассвета отправилась на холм к Галлахскому замку. В наших краях мы верим, что на *Bealtaine* в первый день мая роса на траве обладает могучими целебными свойствами.

¹ Народный праздник, который знаменует начало весны и отмечается в первое воскресенье мая танцами вокруг майского дерева.

— Мы тоже верим в это, Майкл.

— А у вас девушки умываются ею, чтобы улучшить цвет лица? Хотя тебе, конечно, нет нужды волноваться по этому поводу.

— У нас, Майкл Келли, говорят, что если в этот день поваляться в росе, то все твоё тело будет сиять необыкновенной красотой, — сказала я.

— Повалиться? — переспросил он. — Я так понимаю, без одежды?

— Не думаю, Майкл Келли.

— Ага, — сказал он, а потом вдруг вскочил и отвернулся от меня.

Я встала.

— Ты же ещё не уходишь?

— Нет. Вовсе нет. Но Чемпионке нужно попить воды, да и мне тоже.

— Конечно, — сказала я. — В ручье возле родника Святого Энды очень вкусная вода.

Майкл взял Чемпионку под уздцы, и мы втроем направились к ущелью, которое вело в лес.

Когда мы проходили мимо Барна-хауса, шторы на окнах ещё были задернуты. Но солнце уже полностью взошло — скоро мисс Линч проснется и выглянет в окно. Мы вышли на поляну у родника.

— Так что же случилось с твоей матерью на *Bealtaine*? — спросила я, когда Чемпионка напилась из Тубур Гйала, а Майкл, наклонившись, быстро глотнул воды.

— У моей матери были большие проблемы с ногами: мозоли, подагровые шишки, отекавшие лодыжки и искривленные пальцы — в общем, настоящая катастрофа. Одна мудрая старуха сказала ей, что если на рассвете в Майский праздник она пойдет на руины Галлахского замка, роса исцелит ей ноги. И вот она взбиралась по склонам скакового кольца, пока весь город спал в ночной мгле. С первыми лучами солнца она увидела замок. Мама пошла дальше на холм и вдруг остановилась. Потому что услышала музыку... Звуки волынки. Может быть, это были волшебные трубы?

Майкл умолк. Чемпионка настороженно подняла голову, словно старалась лучше его расслышать. Мы стояли в тени дубов. Майкл подошел к каменной стенке, окружавшей источник Святого Энды, и присел на нее, похлопав ладонью по месту рядом с собой. Я устроилась возле него. Мы улыбнулись друг другу, и он продолжил свой рассказ.

— Моей матери всегда нравилось слушать рассказы об эльфах и их добрых делах. С детских лет она отмечала для себя развалины крепостей и заколдованные деревья, в которых могли бы поселиться эльфы. В уважении к их ритуалам она находила такое же удовлетворение, как и в выполнении обрядов и чтении молитв у источников вроде этого. Мама говорила, что это просто разные способы упорядочить нашу дико хаотичную

жизнь. Но чтобы в действительности услышать волшебную музыку... Такого она никогда не ожидала. Музыка звала ее, тянула вперед, — продолжал Майкл. — Если следование за этой мелодией будет означать бросить отца, кузницу и вообще окрестности Галлаха-уй-Келла, чтобы жить в какой-то волшебной крепости... Что ж, так тому и быть. И тут она увидела его. Того, кто играл на волынке, конечно. Только вот для эльфа он выглядел довольно неряшливо и ростом был намного выше, чем, по рассказам, должен был быть представитель этого волшебного народа. Он сидел на большом камне у арочного входа в разрушенный замок, посылая свою мелодию навстречу рассвету. Это и был мой отец.

— Твой отец, — повторила я.

— Он все играл, пока солнце поднималось, а когда утренние лучи осветили их лица, он приветствовал ее. «Я — Майкл Келли, — сказал он, — из Кэллоу Лейк». Это было у заболоченного озера в десяти милях к югу, где в свое время поселился сын Уильяма Боя. «Как видишь, я волынщик, — продолжал он. — Я намеревался прийти сюда, чтобы сыграть печальную погребальную песню в честь предков рода Келли. Но в этом воздухе я услышал веселые нотки, звуки рила¹ и джиги. Удивительно, как здесь сохранилась память о том великом пире». Моя мать согласилась с ним: «Это было знатное веселье». И тогда...

— И тогда они поженились, твои мама и папа, верно?

— Ты хочешь, чтобы я перескочил сразу в конец моей истории?

— Я лишь хотела узнать, вот и все.

— Они поженились.

— Хорошо, — сказала я. — Продолжай.

— Мой отец знал больше пяти сотен разных мелодий: джиги и рилы, поминальные песни и марши, музыку для танцев и скорби, для войны и мира. Его родные много поколений были волынщиками у О'Келли из Кэллоу, и те поддерживали их. Но теперь, когда земля была утрачена и наступили тяжелые времена, мой отец просто странствовал, играя где только можно. И из каждого места, где побывал, он выносил одну-две мелодии: то услышит что-то новое от человека, играющего на металлической дудке, то уличный певец что-то напоеет ему. Зимовать он возвращался в Кэллоу Лейк, где Эдмонд О'Келли, потомок Уильяма Боя, держал для него небольшую хижину. Отец развлекал Эдмонда рассказами о своих путешествиях. Он также по крупницам собирал историю и родословную разных ветвей рода Келли, потому что это интересовало Эдмонда. «А есть

¹ Рил (англ. Reel) — тип традиционного танца, распространенный в Ирландии и Шотландии, а также музыкальный ритм, под который можно исполнять этот танец.

ли у тебя жена в этой уютной хижине?» — спросила у него моя мать. «Была там одна славная женщина, — отвечал он, — которая подарила мне сына, а сама умерла». — «И ты не женился во второй раз?» — снова спросила она. «Я не мог предложить другой женщине полную страданий жизнь жены волынщика, особенно когда мне приходится путешествовать так далеко и играть так мало. А уютной хижины больше нет, и мой сын батрачит у любого фермера, который захочет его нанять».

— Выходит, Майкл, у тебя есть брат? — спросила я.

— Есть — на двенадцать лет старше меня. В целом очень воспитанный парень.

На земле вокруг нас уже появились пятна солнечного света — наступало утро, и Кили постепенно просыпались. Но я не могла уйти: в рассказе Майкла его отец как раз должен был схлестнуться с его дедом.

— Когда моя мать и Майкл Келли, волынщик, вошли в кузницу, там уже было достаточно светло, чтобы разглядеть Мерту Мора Келли, склонившегося над горном. Тот выпрямился, продолжая сжимать молот в кулаке, — такой потный, грязный и чудовищно сильный. Суровый в своем грозном молчании. Мой отец не отступил, как это делали все, кто до этого просил руки моей матери. Он стоял на своем и озвучил предложение. «Тебе нужна кузница, — сказал ему мой дед. — Ты просто ищешь себе теплое местечко на старость». — «У меня есть свое дело», — ответил отец и показал моему деду свои свирели. «Бродячий волынщик, который вечно в дороге, спит бог весть где и мало чем отличается от нищего, хочет увести у меня дочь?» — «Я не стал бы просить никакую женщину разделить со мной мою судьбу, хотя мог бы пригласить ее присоединиться ко мне во время большого праздника, при большом стечении людей, где моя волынка играет важную роль». — «Большой праздник, — насмешливо сказал мой дед и стукнул молотом по лежавшей перед ним подкове. — В нашей стране сейчас праздников совсем мало». — «Это правда. Но у вас по крайней мере есть хорошее напоминание о прежних временах в Галлахском замке». — «В Галлах-уй-Келлай, — поправил его мой дед. — И он сейчас в руинах». В тот момент разговор шел на английском, хотя на склонах Галлахского замка мои родители говорили между собой по-ирландски.

— А сам ты владеешь ирландским языком? — спросила я, потому что мы говорили по-английски.

— Да, Онора, — ответил он, — хотя говорю на нем не так бегло, как мне того хотелось бы. В нашей части страны Блейкни поставили условия для тех, кто держит кузницу: чтобы не было «O'» в начале фамилии и чтобы никто там не говорил по-ирландски. Думаю, мой дед потому надолго умолчал, что не хотел начинать думать на английском. Но он не смел

говорить по-ирландски, рискуя получить обвинение в измене. Я однажды слышал, как он проклинал королеву Елизавету за то, что она заставила вождей клана Келли поклясться, что они будут воспитывать своих детей на английский манер и заставлять их говорить только по-английски.

— Мисс Линч рассказывала, что Елизавета очень злилась из-за того, что нормандцы и старые английские фамилии, которые первыми завоевали Ирландию, в итоге стали говорить только по-ирландски и на латыни. Она называла их *Ipsis Hibernicis Hiberniores* — более ирландскими, чем сами ирландцы.

— А кто такая мисс Линч? — спросил Майкл.

— Моя учительница. Я расскажу тебе о ней потом. А теперь, пожалуйста, продолжи свою историю.

— У меня в горле пересохло, — сказал он и, встав с ограды вокруг источника, пошел к ручью.

Я последовала за ним. Он присел, зачерпнул воду двумя сложенными ладонями и поднес их к моему лицу. Я разомкнула губы, а он налил воду мне в рот. Мне вдруг захотелось поцеловать углубление в его ладони. Господи, что со мной?

— Твоя история, Майкл, — как-то умудрилась напомнить ему я, усаживаясь на стенку источника.

Он сел рядом со мной.

— Мой дед забыл об оставшейся в огне подкове, которая раскалилась добела. Он быстро поддел ее и опустил в лохань с водой. Вырвавшийся с шипением пар и поднимающийся дым отвлекли мужчин, и тут заговорила моя мать. «Я хочу замуж за этого человека», — сказала она.

— Прямо так и сказала? — спросила я.

— Так и сказала, — ответил Майкл. — Никто не ожидал.

— Но разве Грайне не влюбилась в Диармида в тот же миг, как увидела у него на лбу пятнышко — «знак любви», хотя и должна была выйти замуж за Финна, вождя? — снова спросила я.

— Думаю, это был как раз такой случай, — сказал Майкл.

— И Дейрдре, которая была предназначена королю Конору, убежала с Найси сразу же, как только они повстречались. Тоже ведь неожиданно.

— Это стало сюрпризом и для Найси, и для Диармида. Оба парня искали приключений, а тут появляются эти девушки, и они влюбляются в них... Мужчина точно не может ожидать такого, — заключил он.

— Наверное, — согласилась я. — Особенно если он разъезжает на прекрасной гнедой лошади, направляясь неизвестно куда.

Он здесь только проездом. И я больше никогда его не увижу...

Но тут Майкл возразил:

— Все эти старинные легенды рождены не на пустом месте. И моя мать вышла за моего отца, хотя это было крайне маловероятно.

— Маловероятно, — сказала я, — но это все же случилось.

— Случилось, — согласился он.

Майкл накрыл мою ладонь своей. Тепло. Мы замолчали. Я затаила дыхание.

— Продолжай. Что же твой дед сказал твоей матери?

— Он сказал: «Тебе уже слишком поздно выходить замуж, Фионнуала».

Мою мать звали Фионнуала.

— Какое красивое имя.

— Мне нравятся хорошие и сильные женские имена: Фионнуала, Онора.

— Вот как, — сказала я.

— «Все мое время, в том числе рождению детей, — сказал мой дед. — И если оно прошло, его не вернуть».

— Жестоко сказано, — заметила я.

Майкл кивнул.

— Но мой отец ответил на это так: «У меня уже есть сын, и я не переживаю по поводу того, обзаведусь ли еще одним. Но, когда ваша дочь подошла ко мне, я почувствовал, как одиночество, которое я ношу в душе, исчезает, словно туман под лучами солнца. Мать моего сына Патрика была хорошей женщиной, и она не стала бы препятствовать моему счастью. Возможно, это как раз ее молитвы привели вашу дочь ко мне», — задумчиво завершил мой отец. «Меня привели туда мои мозоли», — сказала моя мать. Такие вот дела...

— Но для нее все равно это было не слишком поздно, потому что ты все-таки родился.

— Не только родился, но и вырос вместе с ней и моим дедом Мертой Мором, кузнецом. Зимой отец проводил с нами, иногда приезжал мой брат Патрик. У меня было одинокое детство, но порой выдавалась возможность немного покурлесить с Патриком.

— А я всегда была с моей сестрой Майрой, и... О боже — ее свадьба! Как я могла об этом забыть? Я должна идти, Майкл. И прямо сейчас.

— Погоди, — сказал он.

Я остановилась, потом вернулась.

— Я так и не спросила у тебя, куда ты направлялся, прежде чем нырнул в залив Голуэй.

— Я думал, что отправился посмотреть мир, Онора, имея с собой отцовскую волюнку и мастерство в кузнечном деле. Я приехал в Голуэй Сити, чтобы получить немного легких денег на это путешествие.

- О чем ты?
- Мы с Чемпионкой собираемся выиграть Голуэйские скачки.
- Голуэйские скачки? Но чтобы участвовать в них, нужно быть джентльменом. А ты ведь не джентльмен, Майкл, или я ошибаюсь?
- Нет.
- Слава Иисусу и Пресвятой Богородице. Мой отец скорее согласился бы выдать меня за бродягу, только не за джентльмена! Ой, я не это хотела сказать... При чем тут «замуж»... Я имела в виду... Ты, наверное, считаешь меня жуткой нахалкой.
- Из-за того, что ты говоришь правду? Послушай, давай пойдем и поговорим с твоим отцом прямо сейчас.
- Но ведь ты отправился посмотреть мир.
- Мне больше не нравится путешествовать в одиночестве, — сказал он.
- Ох... — Голос мой вдруг стал совсем тихим. — Я очень рада.
- Мы пошли по пляжу в сторону вереницы рыбацких хижин. Соседи уже встали, и многие из них, похоже, переговаривались, тыча в нас пальцами.
- Я пойду первой и все им объясню. Видишь ли, в моей семье все уверены, что в сентябре я уйду в женский монастырь.
- Что? — неожиданно громко воскликнул Майкл, испугав Чемпионку, которая шарахнулась от него. — Ты — и в монашки?
- Пока Майкл удерживал лошадь за поводья, я побежала, и мои распущенные волосы гривой развевались на ветру.
- Мы уладим это позже, — крикнула я ему через плечо. — А сейчас мне нельзя опоздать на свадьбу Майры!

ГЛАВА 3

Ох уж эти разборки и размолвки — еще хуже, чем приливное течение в заливе Голуэй!

– Наша правильная Онора принимает небольшие ухаживания от красивого цыганского парнишки. Просто замечательно! — сказала Майра и весело засмеялась.

Но отец был очень зол.

– А ты уверена, что остальные из шайки это парня не дожидаются, пока мы начнем танцевать на улицах, чтобы просочиться в Барну и обчистить там каждый дом? — спросил он меня.

– Можно лишь пожелать им удачи. Воровать там особо нечего, так что они мало что найдут, — заметила бабушка.

– Он не цыган, — возразила я, — а если бы и был им, мне все равно.

БЛАГОДАРНОСТЬ ОТ АВТОРА

На самом деле процесс написания «Залива Голуэй» начался еще в 1969 году, когда я впервые побывала в Ирландии. Вспоминая о людях, с которыми познакомилась там во время всех своих последующих поездок и которые говорили мне: «Добро пожаловать на родину», я хочу поблагодарить каждого из них. Очень жаль, что я не могу привести здесь их имена, но говорю всем им: большое спасибо.

Особую благодарность хочу высказать моим близким: отцу, Майклу Джозефу Келли; матери, Мэриан Уильямс Келли; брату Майклу; сестрам Рэнди, Мики, Сьюзи и Нэнси; и другим членам нашей семьи — Марте Холл Келли (*Martha Hall Kelly*), Эрнесту Страпазону (*Ernest Strapazon*), Эду Пейниану (*Ed Panian*) и Брюсу Джарчоу (*Bruce Jarchow*). Каждый из них внес свой уникальный вклад в создание этой книги, равно как и все мои племянники и племянницы. А дети моего племянника, Айдан и Эдвард, стали уже седьмым поколением после Оноры — еще один повод для благодарственной молитвы.

Я благодарна моим тетям, дядям, всем кузенам и кузинам — ответвлениям нашего общего генеалогического древа, — и особенно Агнелле Келли, сестре Мэри Эриджине из монастыря Пресвятой Девы Марии, которая познакомила меня с Онорой.

В Голуэе моему исследованию очень помогла Мэри Куолтер (*Mary Qualter*) из библиотеки графства Голуэй, которая содействовала мне в разгадывании множества загадок и познакомила с прекрасными местными историческими документами, в частности работами Падрейга Фагерти (*Padraig Faherty*) по истории Барны и произведениями художницы Джеральдины Фолан (*Geraldine Folan*), запечатлевшей на своих картинах рыбацкую деревушку Фрипорт, которой сейчас уже не существует.

Мне очень помогли Шивон Макгиннесс (*Siobhan McGuinness*) и Жан Гормли (*Jean Gormley*) из Голуэйского исторического центра, за что я им очень благодарна. Я также благодарю Сестру Майру Мак Ниаллайс (*Máire Mac Niallais*), которая нашла и Аксибуой, и Юджина Маллоя из Нэшвилла, соединив соседей, разлученных на сто шестьдесят лет.

Хочу высказать благодарность Национальному университету Ирландии, графство Голуэй, и Университету Ольстера в Дерри, а также Королевской ирландской академии и Национальной библиотеке Ирландии за то, что они предоставили мне доступ к своим архивам.

Я очень ценю то, что мне была предоставлена возможность ознакомиться с материалами Центра ирландского фольклора Деллагри и с коллекцией национального фольклора в Университетском колледже Дублина, Ирландия. Также мое большое спасибо Эмеру Ни'Хеллей (*Emer Ni'Cheallaigh*) и Джонни Диллону (*Jonny Dillon*): Джонни переводил все ирландские материалы и редактировал мои ссылки относительно ирландского языка.

Я узнала очень много нового, посещая центры культурного наследия, особенно в Каслблейкни и Ольстерском американском фольк-парке.

Я благодарна Джону и Пат Хьюм (*John, Pat Hume*), Дахи и Антуанетте О'Келли (*Daithi, Antoinette O'Ceallaigh*), Пэтси О'Кейн (*Patsy O'Kane*) и всему персоналу отеля «Бич Хилл Хаус»; Шэрон Куинн (*Sharon Quinn*), Ройзин Невин (*Roisin Nevin*), Мэри Маллан (*Mary Mullan*) и персоналу «Баллинахинч Хаус»; Маэве Келли (*Maeve Kelly*), Джерарду Келли-О'Брайену (*Gerard Kelly-O'Brien*), Падрайгу Кили (*Padraig Keeley*) и другим семьям из Карны; а также бесчисленным водителям такси, подвозившим меня.

Хочу поблагодарить своих друзей из Дублина: Мэри Шерин (*Mary Sheerin*), Мэри Мейхер (*Mary Maher*), Мэри Камминс (*Mary Cummins*), Маэву Бинчи (*Maeve Binchy*), Шерон Планкетт (*Sharon Plunkett*) и Филипа Нолана (*Philip Nolan*).

В Чикаго адресую благодарность опытному и великодушному научному персоналу Чикагского исторического музея, библиотекарям библиотеки Ньюберри и Чикагской публичной библиотеки, филиал Гарольда Вашингтона. Спасибо Бонни Роуену (*Bonnie Rowan*), который был моим гидом в Библиотеке Конгресса и Национальном архиве в Вашингтоне, федеральный округ Колумбия.

Я благодарна Аспирантской библиотеке моего родного Университета города Нью-Йорк. Зал Великого голода Квиннипэкского университета и специальная коллекция семьи Лендер в библиотеке Арнольда Бернхарда, примите мою благодарность и восхищение вашим уникальным вкладом в благородное дело: они собрали богатейший архив, и это гарантирует, что Великий голод в Ирландии не будет забыт. В коллекцию входит также замечательная бронзовая статуя «Ирландская мать с ребенком» скульптора Гленны Гудакр (*Glenna Goodacre*) — автора мемориала медицинским сестрам Вьетнама. Эта фигура воплощает в себе всю решимость и жизнестойкость ирландских женщин, которые спасли наш народ. (Эта статуя поразительно похожа на мою сестру Сьюзи, как внешне, так и по

духу.) Гудакар также использует «Ирландскую мать с ребенком» в качестве одной из тридцати пяти фигур (сделанных в натуральную величину) в композиции, посвященной Великому голоду и путешествию в Америку, которая установлена на территории впечатляющего Ирландского мемориала в Филадельфии. Спасибо правительству Канады за создание национального музейного комплекса «Ирландский мемориал» на острове Гросс-Иль. Меня также очень тронул и вдохновил Нью-Йоркский мемориал в Бэттери-Парк-сити, посвященный голоду в Ирландии. Там я испытала мощное эмоциональное переживание, постояв возле аутентичного коттеджа XIX века на склоне холма, заросшего растениями, характерными для ирландского ландшафта. Благодарю за это художника Брайана Толло (*Brian Tollo*) и бывшего мэра города Джорджа Патаки (*George Pataki*) (его мать Маргарет, родившаяся в Ирландии, входила в организационный комитет этого комплекса). Хочу передать слова благодарности историку, доктору философии, Морин О'Рурк Мерфи (*Maureen O'Rourke Murphy*), которая привлекает внимание общественности к Великому голоду с помощью этого мемориала через свою работу по внесению этой информации в учебный план государственных школ штата Нью-Йорк, научные труды и руководящую роль в Американской конференции по изучению ирландского языка. Я очень благодарна ей за поддержку. Множество подборок старых писем, документов, дневников и газет, а также книг по широкому спектру вопросов, безусловно, обогатили роман «Залив Голуэй». Некоторые из них я опубликовала на своем сайте *MaryPatKelly.com*.

В последние годы количество исследований, посвященных Великому голоду, возросло в разы. Мне очень помогли работы Кормана О'Града (*Cormac O'Grada*) и книга Томаса Кенили (*Thomas Keneally*) «Великий позор»; кроме того, я постоянно возвращалась к монографии Сесила Вудхэма Смита (*Cecil Woodham Smith*) «Великий Голод».

Я хочу поблагодарить своих учителей: профессоров Сэма Левина (*Sam Levin*) и Марвина Магдаланера (*Marvin Magdalaner*) из аспирантуры Университета города Нью-Йорк; Джона Келли (*John Kelly*) из Парлора, банды Келли, а также Роберту Ариа Сорвино (*Roberta Aria Sorvino*), Мэри Энн Келли ДеФуччио (*Mary Anne Kelly DeFuccio*), Моник и Даниелле Инзинна (*Monique, Danielle Inzinna*), Брюса и Кэрол Харт (*Bruce and Carole Hart*), Мэри Брингл (*Mary Bringle*), Лауру Аверсано (*Laura Aversano*) и Марию Фриза (*Maria Frisa*). Я благодарна Биллу Пиндару (*Bill Pindar*) и всем работникам Центра Стоуни-Поинт. Спасибо от меня Мередит Мигер (*Meredith Meagher*) и Бетти Мартинес (*Betty Martinez*).

Большое спасибо замечательной команде из «Гранд Сентрал Пабблишинг», «Ашет Бук Груп». Я очень горжусь тем, что «Залив Голуэй» увидел

свет благодаря усилиям Морин Эжен (*Maureen Egen*), заработавшей высокую репутацию в издательском деле во время своей работы в «Уорнер Букс». Спасибо вам, Морин, за это, а также за то, что сделали моим редактором Франсис Жале-Миллер (*Frances Jalet-Miller*). Эта умная, чуткая и честная женщина очень поспособствовала выходу этой книги. Я чрезвычайно ценю поддержку, которую оказывал мне Джейми Рааб, исполнительный вице-президент «Ашет Бук Груп» и издатель «Гранд Сентрал Паблишинг». Мои благодарности главному редактору Карен Коштольнюк (*Karen Kosztołnyik*) за то, что она поддерживала мой роман. В «Ашет Бук Груп» я также очень благодарна исполнительному шеф-редактору Харви Джейн Коваль (*Harvey-Jane Kowal*) и литературному редактору Соне Фогель (*Sona Vogel*) — за освоение моей объемной рукописи; отделу художественного оформления — за прекрасную обложку, и главному специалисту по печати и рекламе Элли Вайзенберг Келли (*Elly Weisenberg Kelly*) — за ее энтузиазм.

Есть еще и Кати Данцер (*Kathy Danzer*). Именно ее непревзойденные компьютерные умения превратили сотни моих исписанных блокнотов в настоящий манускрипт. Я благодарна ей как первому своему читателю за ее суждения, доброту и непоколебимую веру в успех этого процесса. Будучи человеком театральных кругов, она настояла на том, что «шоу должно продолжаться». Мы должны были подготовиться к премьере. И мы подготовились.

Я очень благодарна Барбаре Лихи Саттон (*Barbara Leahy Sutton*), подруге всей моей жизни и знаменитому редактору газеты «Чикаго Трибьюн». Она была моей доброй советчицей в профессиональных и личных вопросах.

Спасибо тебе, Мартин Ширин (*Martin Sheerin*), мой муж и моя самая ценная связь с Ирландией, за то, что позволял мне читать тебе рукопись, когда дело не клеилось. Ты всегда знаешь, как помочь мне выбраться из трудной ситуации.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	9
<i>Часть первая. Прежние времена — 1839 год</i>	11
<i>Часть вторая. Великий голод, 1845—1848</i>	105
<i>Часть третья. Америка</i>	312
<i>Часть четвертая. Войны, 1861—1866</i>	419
<i>Часть пятая. Чикагские ирландцы, 1893 год</i>	557
Послесловие	582
Глоссарий	583
Благодарность от автора	586

Літературно-художнє видання

КЕЛЛІ Мері Пет

Затока Голуей

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *М. Л. Лола*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. С. Калмикова*

Підписано до друку 25.10.2017. Формат 84х108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «FranklinGothic». Ум. друк. арк. 31,08. Наклад 4500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. Е-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у державному видавництві «Преса України»
03047, м. Київ, просп. Перемоги, 50
Свідцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру ДК №310 від 11.01.2001 р.

Литературно-художественное издание

КЕЛЛИ Мэри Пэт

Залив Голуэй

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *М. Л. Лола*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *О. С. Калмыкова*

Подписано в печать 25.10.2017. Формат 84х108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «FranklinGothic». Усл. печ. л. 31,08. Тираж 4500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. Е-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в государственном издательстве «Пресса Украины»
03047, г. Киев, пр. Победы, 50
Свидетельство о внесении субъекта издательского дела
в Государственный реестр ДК №310 от 11.01.2001 г.

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Київстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Київ

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Онора зростала серед безкрайніх зелених долин Ірландії й не уявляла, що колись буде змушена покинути край пращурів. Адже саме тут вона знайшла своє перше кохання, вийшла заміж і народила чудових малюків. Але в середині XIX століття починається великий голод, і чоловік Онори Майкл гине. Разом з дітьми та сестрою Майрою Онора вирушає до Америки, де на емігрантів ніхто не чекає. Починається низка життєвих випробувань: розчарування і крижана байдужість чужої країни, злидні, тяжка праця, громадянська війна... Кризь все це родині Келлі треба буде пройти і вистояти, не втративши одне одного. Адже тільки разом вони зможуть подолати все.

Келлі М. П.

К34 Залив Голуэй : роман / Мэри Пэт Келли ; пер. с англ. И. Толока. —
Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 592 с.

ISBN 978-617-12-4118-3

ISBN 978-0-446-57900-1 (англ.)

Онора выросла среди бескрайних зеленых долин Ирландии и никогда не думала, что когда-то будет вынуждена покинуть край предков. Ведь именно здесь она нашла свою первую любовь, вышла замуж и родила прекрасных малышей. Но в середине XIX века начинается великий голод и муж Оноры Майкл умирает. Вместе с детьми и сестрой Майрой Онора отплывает в Америку, где эмигрантов никто не ждет. Начинается череда жизненных испытаний: разочарования и холодное безразличие чужой страны, нищета, тяжелый труд, гражданская война... Через все это семье Келли предстоит пройти и выстоять, не потеряв друг друга. Ведь только вместе они смогут преодолеть все.

**УДК 821.111
ББК 84(7США)**